

Чу Сыфэн смотрел на осколки разбитой чашки, в которых отражались растекающиеся по полу лужицы воды, как вдруг снаружи послышался встревоженный голос сотрудника Полицейского управления:

— Господин заместитель, беда!

Молодой полицейский вытянул шею, пытаясь заглянуть в допросную, где находился Чу Сыфэн.

— Эй, ты чего раскричался? Не видишь, человек занят, допрос ведет! — раздраженно оборвал его дежурный, сидевший неподалеку.

Полицейский, не обращая внимания на недовольный тон коллеги, снова выкрикнул:

— Господин заместитель, случилось страшное! Господин Сы в беде!

Раздался резкий хлопок — дверь допросной распахнулась. На пороге появился Чу Сыфэн, на лице которого читалась явная тревога. Он сделал два широких шага, оказываясь прямо перед полицейским. В его глазах, холодных и безжалостных, застыл лед, а взгляд, подобный острому клинку, заставил собеседника невольно содрогнуться.

— О ком ты говоришь?

Полицейский, несмотря на ледяной напор своего начальника, подавил страх и выпалил:

— Я... я говорю, что с господином Сы стряслась беда. Вы поручили мне следить за ним, поначалу всё было хорошо, но когда я пришел на смену, его уже не было в камере. Я спросил у других, и мне сказали, что его забрал заместитель начальника Чжан. Когда я прибежал туда, его уже вовсю пытали.

Внутри у Чу Сыфэна всё оборвалось.

Полицейский семенил следом за мужчиной, с ужасом наблюдая, как тот превращается в разъяренного льва. Статная фигура Чу Сыфэна в строгом военном мундире внушала трепет, а сдерживаемый гнев лишь добавлял его облику пугающей тяжести. Когда он проносился мимо остальных, даже те, кто хотел отдать честь, невольно притихали.

— Не ожидал, что ты, актер, окажешься таким упрямым, — донеслось из комнаты. — Посмотрим, что крепче: твои кости или мой кнут.

Хлесткий звук удара и глухой стон плоти, отозвавшийся эхом, ударили по ушам. Чу Сыфэн с размаху распахнул дверь, сбив с ног полицейского, который пытался его остановить. Увидев происходящее, он задрожал, а его глаза налились кровью, в них закипала ярость.

— Кто позволил вам трогать его?! — голос, обычно такой мягкий, сорвался на хриплый, неистовый крик.

— Заместитель... заместитель Чу! — мужчина с кнутом в руках не успел среагировать, как мощный удар сбил его с ног. Пролетев метр, он рухнул на пол, схватившись за грудь от пронзительной боли.

— Заместитель начальника! Вы в порядке? — люди Чжана бросились на помощь своему боссу.

Чу Сыфэн бросился вперед, перерезал веревки, которыми Гу Мань был привязан к кресту, и подхватил его на руки. Гу Мань не потерял сознание лишь потому, что Идянь блокировал болевые ощущения, но физические повреждения были реальными — следы от ударов кнута на израненной одежде и кровавые полосы на теле говорили сами за себя. Он выглядел донельзя изможденным, а кровь в уголках губ делала его вид совсем жалким.

Чу Сыфэн боялся сжать его слишком сильно, сердце сжималось от боли. Его тревога и сострадание были настолько осязаемыми, что Гу Мань, чувствуя это, протянул руку и коснулся ладони Чу Сыфэна, выводя пальцем едва заметные знаки:

— Не волнуйся, я в порядке.

Но как можно говорить о порядке, когда всё тело покрыто ранами? Чу Сыфэн глубоко вздохнул, пытаясь унять сердечную боль, и, бережно прижав Гу Маня к себе, направился к выходу. Путь ему преградил не в меру смелый заместитель начальника Чжан:

— Ты не можешь его забрать!

Чу Сыфэн замер, медленно повернул голову и ледяным тоном процедил:

— Это мой человек. Как ты посмел к нему прикоснуться?

— Он убийца! Я заместитель начальника, почему я не могу его трогать? Преступник, попавший в Полицейское управление, должен подчиняться моим приказам! — Чжан Цзэ, не осознавая опасности, продолжал нести чушь.

Чу Сыфэн кивнул полицейскому, который принес весть, и, доверив ему Гу Маня, освободил руки. Одним рывком он оказался возле Чжан Цзэ, схватил его за воротник и с размаху ударил в лицо.

— Заместитель начальника!

Окружающие остолбенели, никто не решался вмешаться — все знали, что этот человек

является доверенным лицом самого генерал-майора. Пусть должность у него не самая высокая, но власти — хоть отбавляй.

— Является ли он преступником — не тебе решать, сотрясая воздух. Чжан Цзэ, ты через мою голову, без моего ведома устроил допрос с пытками. Кто дал тебе право? Начальник управления? Или сам генерал-майор?! — в низком, бархатном голосе сквозил холод, а сузившиеся глаза таили смертельную опасность.

Чу Сыфэн отпустил воротник Чжана и слегка оттолкнул его. Уголки его губ приподнялись, он приложил палец к губам:

— Тсс.

Чжан Цзэ встретился с его взглядом и вдруг оцепенел от ужаса — тело отказывалось слушаться. Инстинкт кричал ему, что этот человек невероятно опасен.

Чу Сыфэн опустил руку, смерил его холодным взглядом, забрал Гу Маня у полицейского и вышел. Как только он исчез, ноги Чжан Цзэ подкосились, и он рухнул на колени.

Чу Сыфэн молча нес Гу Маня прочь из здания управления. Гу Мань поднял голову, глядя на идеальную линию челюсти мужчины, и почувствовал, как тот слегка дрожит от пережитого страха.

— Я правда в порядке, Идянь блокировал боль, — тихо прошептал он.

Мужчина хранил молчание. Гу Мань понимал, что Чу Сыфэн волнуется, но не умел утешать, поэтому просто спросил:

— Чу-гэ, что ты только что сделал с тем Чжаном...

Он не успел договорить, как Чу Сыфэн резко оборвал его:

— Не произноси его имени.

Гу Мань замолчал. Чу Сыфэн добавил:

— Почему ты не позвонил в колокольчик? Ты хоть понимаешь, как рискуешь своей безопасностью? Знаешь, как мне больно это осознавать?

Каждое слово было пропитано гневом и вопросами, но за ними скрывался леденящий душу страх за него.

— Ты что, правда думаешь, что бессмертен?!

Гу Мань опустил глаза.

В больнице он наблюдал, как Чу Сыфэн мечется вокруг, вызывая врачей и доставая лекарства. Когда на раны нанесли мазь, Гу Мань ничего не почувствовал, словно марионетка, позволившая делать с собой всё что угодно. На душе было беспокойно.

Врачи и медсестры не могли скрыть изумления: пациент стойчески переносил жгучую боль при обработке ран, не издав ни звука. Только Чу Сыфэн знал причину, но что толку? Если не пройти уровень и не вернуться в системное пространство, раны здесь остаются настоящими.

Когда медики ушли, оставив их в палате, воцарилась гнетущая тишина. Гу Мань не знал, как себя вести — его никто этому не учил. В его двадцатипятилетней жизни были лишь тирания семьи, годы морального давления и психологических пыток. Никто никогда не дарил ему тепла.

В его темной камере за непослушание запирали до тех пор, пока он не ломался, не начинал рыдать и умолять о прощении. Никто не хотел открывать ту дверь, там никогда не было света. Но однажды, когда он сидел в темноте, размышляя о своей жизни, ворвался этот человек — с ослепительным сиянием, он без колебаний впустил свет в эту тьму, освещая каждый уголок.

— Прости меня.

Гу Мань вздрогнул и поднял голову. Чу Сыфэн, стоявший к нему спиной, налил воды, подошел и протянул стакан. Дождавшись, пока Гу Мань возьмет его, он присел на край кровати, выглядя совершенно подавленным. Весь гнев исчез, стоило ему взглянуть на Гу Маня.

— Я не должен был срываться на тебе, ведь ты и так ранен. Прости, брат просит прощения, хорошо? — Чу Сыфэн хотел обнять его, но побоялся задеть раны.

Гу Мань слегка толкнул его плечом. Он склонил голову, прижавшись лбом к плечу Чу Сыфэна, и ответил глухим голосом:

— Я не умею утешать и не знаю красивых слов. Не позвонил в колокольчик, потому что не успел, всё произошло слишком внезапно. Я не думал, что он применит пытки, чтобы выбить признание. Пожалуйста... не волнуйся за меня. Просто дай мне посидеть так.

— Чу-гэ рядом, ты всегда можешь опереться на меня, — Чу Сыфэн похлопал его по спине, словно ребенка, которому не хватает чувства безопасности.

— М-м. Кстати, Чу-гэ, ты что-то сделал с тем... с тем человеком? — Гу Мань поднял голову, едва не назвав имя, но, вспомнив реакцию Чу Сыфэна, вовремя осекся.

— Да, я активировал карту предмета ранга А — Кошмар. Если он встретился со мной взглядом, значит, попал под его действие. Если на его совести нет тяжких грехов, он просто будет видеть кошмары четыре дня и ходить разбитым. Но если он совершил злодеяние, то не выдержит — его психологическая защита рухнет, и он начнет бояться всего, что вызывает в нем отвращение, включая меня, — объяснил Чу Сыфэн.

— Это ментальная атака. Она слишком сильна для ранга А, — Гу Мань посмотрел ему прямо в глаза.

Чу Сыфэн прикрыл ему глаза ладонью, и Гу Мань, внезапно оказавшись в темноте, вздрогнул. Мужчина тут же убрал руку и смущенно улыбнулся:

— Мой Кошмар можно использовать только раз в два дня, у него жесткие временные ограничения, к тому же, чтобы он подействовал, жертва должна спать.

— Понятно, — Гу Мань снова опустил голову, прижавшись лбом к плечу Чу Сыфэна.

Минуты покоя были недолгими — в дверь постучали. Гу Мань выпрямился, и Чу Сыфэн вдруг усмехнулся. Гу Мань вопросительно посмотрел на него. Тот щелкнул его по лбу:

— У тебя на лбу красный след остался.

— Господин заместитель! Господин заместитель, вы здесь? — за дверью раздался тревожный голос.

Чу Сыфэн жестом показал, что сейчас вернется, и вышел из палаты. Это были его люди.

— Господин заместитель, в трупке Хунмин снова смерть! На этот раз погиб руководитель трупки, Сюй!

— Что ты сказал?!

Чу Сыфэн не ожидал, что объект их расследования так скоростижно скончается. Неужели у Сюй Хуэя не было алиби?

— Нет, Чу-гэ, смерть Сюй Хуэя как раз доказывает, что он мог быть ключевой фигурой. Его гибель обязательно станет поворотным моментом в этом деле о проклятии. Есть ли какие-то зацепки в трупке Хунмин? — Гу Мань, которому Чу Сыфэн запретил вставать, сидел на кровати и обсуждал дело.

Чу Сыфэн подробно пересказал ему все улики, собранные Червовым Королем и остальными, включая поведение Сяо Цая во время допроса.

Гу Мань был очень умен. Он сразу выделил главное:

— Сяо Цай прошлой ночью была с Сюй Хуэем, а сегодня днем он умер. К тому же она услышала о смерти Чэн Сюэнин и была не в себе, выглядела ужасно. Если между ними тремя нет тесной связи, я не поверю. Смерть руководителя Чэн стоит расследовать тщательнее. В детском доме Красное сердце похоронены её вещи и урна с прахом. Нужно найти её наследство.

— В смерти руководителя Чэн есть странности. Возможно, именно из-за неё и появилось это проклятие.

— Или даже... этот человек мстит, прикрываясь проклятием, — осенило Чу Сыфэна.

В особняке генерал-майора Линь Хуэй, Линь Шэн и Цин И сидели за обеденным столом. Мужчины вели оживленную беседу.

— Невестка, что с тобой? Ты какая-то рассеянная, — заметил Линь Хуэй молчаливую Цин И.

Линь Шэн обернулся к жене. Цин И улыбнулась, сохраняя достоинство:

— Брат, ты шутишь. Вы, два успешных человека, ведете беседу, а я в делах ничего не смыслю, вот и жду в сторонке.

Линь Хуэй, улыбнувшись, поднял бокал, а затем его взгляд упал на вошедшую женщину. Его глаза мгновенно потеплели:

— Сюэ-эр, ты пришла. Теперь невестке не будет так скучно.

Женщина была невероятно красива и чиста, а голос её звучал мягко:

— Задержалась немного. Невестка, давно не виделись, как ты?

Цин И улыбнулась и направилась к ней. Женщины разговорились.

— Садитесь ужинать, все вас ждут, — позвал Линь Хуэй.

После ужина Цин И попыталась вывести женщину на разговор, надеясь получить хоть какие-то зацепки:

— Сестра Сюэ, давно не виделись, ваши отношения с братом становятся всё крепче. Мне любопытно, как вы познакомились?

Женщина, поправляя платок и держа Цин И за руку, нежно улыбнулась:

— Десять лет назад я приехала сюда, у меня ничего не было. Ничего не умела, только голос хороший. Пошла в ресторан, стала петь. Я пела, он слушал. Так со временем и познакомились.

Она не стала вдаваться в подробности, и Цин И не получила никакой важной информации.

— Сестра Сюэ, а ты откуда родом? Такая нежная и красивая, наверное, с юга?

Женщина на секунду замерла, её рука, сжимавшая платок, дрогнула. Она вздохнула:

— Я сирота. Не знаю своих родителей и не помню, откуда я. Знаю только, что выросла в детском доме Красное сердце. Там я встретила фею. Она была такой доброй, правда...

— Жаль, что она ушла из этого мира. Она так и не услышала, как я пою... Почему же она ушла...

<http://bllate.org/book/21790/2254003>